

Олимпийский чемпион Евгений Дементьев, отбывающий двухлетнюю дисквалификацию, дал эксклюзивное и очень эмоциональное интервью – о допинге и виноватых, бессовестных чиновниках и тренерах, провале в Ванкувере, лекарствах от астмы и своем возможном возвращении в лыжные гонки.

- Жень, хоть и по телевизору, но ты ведь наверняка смотрел Олимпийские игры?

– Большую часть, наверное, смотрел. Или меньшую. В общем, часть гонок я видел. Сейчас вспомню: мужской дуатлон, спринтерские эстафеты, большую мужскую эстафету.

- Не больно было, что твои друзья бегают по олимпийскому парку Уистлера, а ты дома сидишь?

– Боль уже ушла. Тяжело было смотреть первые этапы Кубка мира. На Олимпиаде у нас и так была сильная команда. Без меня.

- Ну а хоккей-то смотрел? Ты же фанат хоккея.

– Не видел ни одного матча, представляешь? Просто из-за разницы во времени не получилось. Мне на работу рано вставать.

- А кем ты работаешь?

– Я начальник научно-методического центра медицинского обеспечения спорта высших достижений Ханты-Мансийского округа. В нашем центре мы изучаем спортивную медицину.

- И что, ты в этом силен?

– Я в спортивной медицине ничего не понимаю. Но на мне лежит организационная работа, за которую я отвечаю и с которой я, надеюсь, справляюсь.

- Большая у тебя группа?

– У нас в отделе всего четыре человека. Хороших специалистов очень тяжело найти. Как бы это сказать... Мы хотим, чтобы фармакологические проблемы в нашей сборной можно было предупредить. Мы же не предупреждаем, а скорее откачиваем, если ты понимаешь, о чем я.

- Ты сейчас говоришь о проблемах в лыжных гонках или о чем?

– Нет, я говорю о сорока восьми видах спорта, двенадцать из которых в нашем регионе приоритетны. Мы планируем создать информационно-аналитические группы, за которыми постоянно будут закреплены те или иные команды. Вся информация, полученная этими группами, будет находиться в компьютерной базе. Например, уровень гемоглобина спортсмена, его ЭКГ, другие какие-то показатели. Это реально поможет при разработке грамотного плана тренировок.

- Тогда к тебе уже как специалисту вопрос. Почему наша команда на Олимпиаде так слабо выступила?

– У нас очень сильная команда, но вот с подготовкой вышла промашка. Результаты наших ребят в первую очередь зависят от работы тренерского штаба. Ребята-то у нас сильные. То, что мы так пролетели, – это проблемы тренеров. А у нас как всегда получается? Результата нет, значит виноваты спортсмены. Руководство никогда не признает свою вину, она вся останется на спортсменах. Ты вспомни слова Логинова.

- Ты «отработанный материал» имеешь в виду?

– В том числе. Логинов набирает кадры. Логинов комплектует команду. Да ты фиговый президент, раз ты собрал эту команду! А он заявляет, что наши спортсмены — отработанный материал. В Федерации лыжного спорта России сидят абсолютно бесовестные люди.

- Жень, а ты уверен, что об этом можно говорить в открытую? Я не хочу, чтобы это интервью тебе как-то навредило.

– Все, что я сейчас говорю, можно смело публиковать. Я же не сказал, что Логинов, например, п...с. А то, что у него совсем нет совести, – так это и так все знают. Я не боюсь этого человека. Более того, его мнение мне совершенно не интересно.

- А делать-то что? Сидеть и ждать выборов президента федерации, которые состоятся этой весной?

– Да, придется подождать. Либо Дмитрий Анатольевич придет и разгонит эту шайку-лейку. Я думаю, наверху должны наконец увидеть, что в лыжной федерации все далеко не порядке.

- Но существует вероятность, что на место этих людей, которых мы сейчас

обвиняем во всех смертных грехах, придут точно такие же, ничуть не лучше.

– Главное, чтобы пришли люди, которые будут заниматься лыжными гонками, а не распиливанием бюджета. Вот и все.

- Знаешь, мы последний раз с тобой разговаривали еще в том году, на этапе Кубка мира в Рыбинске. И ты выглядел таким потерянным. Не понимал, куда двигаться дальше, куда делся результат. А сейчас я будто разговариваю с другим человеком. Уверенным в своих силах. Который знает, чего хочет, и при этом мыслит системно.

– Это может звучать странно, но дисквалификация пошла мне на пользу. Я хочу сказать огромное спасибо всем своим друзьям и руководству региона, в котором я живу. Их поддержка дала мне энергии. Все это время, которое прошло с момента дисквалификации, я не сидел на месте. Я вернулся в Ханты-Мансийск, куда-то ходил, что-то делал. Тепло близких и друзей заряжало меня. Потихонечку стал въезжать в работу, начало что-то получаться.

- Дмитрий Васильев, двукратный олимпийский чемпион по биатлону, рассказывал мне, каким опустошенным он чувствовал себя на следующий день после того, как его попросили из тогда еще советской сборной. Он не знал, куда пойти, чем заняться. Можешь вспомнить свои ощущения после новости о положительной допинг-пробе?

– Депрессии не было. Помню первое утро. Я выспался, впервые за долгое время. Пошел на завтрак. Было странное ощущение свободы. Вечером за ужином позволил себе бокал пива.

- То, что ты почувствовал себя свободным, это нормально?

– Нет, конечно. Но я тебе говорю, как было.

– А ты можешь рассказать, что на самом деле тогда произошло?

– Мне бы не очень хотелось об этом говорить. Я виноват, конечно. Но это касается моих личных отношений с Бородавко. Так оказалось, что наши пути разошлись. Кто из нас оказался плохим мальчиком, по сути, не так уж важно.

- Кстати, на прошедшей Олимпиаде не было ни одного допингового скандала, только недавно появилась информация о том, что в крови польской лыжницы Корнелии Марек есть следы ЕРО. Лыжные гонки становятся чище?

– Мне бы очень хотелось так думать. Допинг – самый легкий путь к успеху, и спортсмены, к сожалению, иногда предпочитает этот путь долгой и кропотливой работе.

- Правда, что в нашей стране спортсмен, попавшийся на допинге, может не знать, как препарат попал в его организм?

– Да, я могу это подтвердить.

- У нас в сборной серьезные проблемы, да?

– Я могу говорить только за мужскую сборную. Там царит полный разлад. Ответственность за выступления никто из тренеров брать не хочет. Считаю, что новый старший тренер нужен обязательно. Бородавко потерял контакт со спортсменами. Как специалист он изжил себя, перестал совершенствоваться. Видимо, позиция федерации ему ближе позиции, которую занимают спортсмены.

- А в чем заключается позиция нашей лыжной федерации?

– Да кто ее знает! Развитием лыжного спорта в федерации никто не занимается. Конструктивного ничего не предлагают. Проектов нет. А если они есть, то их тормозят. Федерация лыжного спорта России либо заблудилась, либо уверена, что делает все правильно. Времена СССР прошли. Сейчас в стране нет такого огромного числа профессиональных лыжников.

- Ты бы мог пойти работать в нашу лыжную федерацию?

– В ту, которая есть у нас сейчас? Нет. Я не смог бы сработаться с этими людьми.

- Но с кем-то из нынешней сборной ты все-таки поддерживаешь отношения?

– С Сашей Легковым перезваниваемся почти каждый день.

- И во время Олимпиады перезванивались? Что ты ему говорил? Ему ведь так нужна была поддержка.

– Как я могу это взять и рассказать? (улыбается) Сашка знал, зачем он едет в Ванкувер. Понимаешь, Олимпиада – эта такая вещь, ей просто надо наслаждаться. Примерно об этом я ему и говорил.

- Как Легкову можно было наслаждаться Олимпиадой, если он, по сути, выступал больной?

– Это вообще отдельная песня. Легков заболел еще на «Красногорской лыжне». В декабре! Этот Красногорск – как там вообще можно проводить лыжные гонки? Там как по помойке бежишь. Были традиции, но они умерли. Размещение команды катастрофическое, соревнования проходят на мертвом уровне. В том году трассу очень плохо подготовили. Рекламы нет, зрителей тоже. Вот все и вылилось — Легков всю Олимпиаду бежал через болезнь. Петтера Нортуга страна на руках носит, а мы за свою

страну умираем. Чего, у нас в России мест мало? Сыктывкар, Тюмень, Ханты-Мансийск – там бы соревнования и проводили. У нас в Хантах руководство очень старается как-то развивать спорт, хотя и не всегда все получается.

- Это какие-то совместные действия Ханты-Мансийского округа с федерацией лыжного спорта?

– Федерация здесь вообще не при чем. Я сомневаюсь, что ее президент хоть где-нибудь в какой-нибудь спортивной школе был.

- Кстати, твой двоюродный брат Илья ведь в Красногорске тренируется.

– Там работают хорошие тренеры, я же не доволен именно уровнем проведения соревнований.

- Ты уже рассуждаешь не как спортсмен, а как руководитель скорее.

– Да, мне по роду деятельности приходится смотреть гонки, этапы Кубка мира, анализировать выступления наших.

- Скажи, состав, который поехал в Ванкувер, был оптимальный?

– Мне кажется, на мужской дуатлон надо было брать Артема Жмурко и Илью Черноусова. Ребята в очень хорошей форме перед Играми находились. Федерация их не взяла и, простите, обосралась. Что поделать, если эти люди не видят, да и не хотят видеть дальше своего носа.

- Проанализируй, пожалуйста, ситуацию с женским марафоном. Тренеры

выставили только трех девушек вместо положенных четырех.

– Серьезно? Четвертую найти не смогли? Это опять же федерация. На них висит план отбора гонщиков, его утверждение. Но вообще у нас так всегда было. Последнюю гонку вечно бежать было некому.

- Ты вот все мне это рассказываешь, и я чувствую, внутри у тебя все кипит.

– Конечно, кипит. Нам надо менять всю систему лыжных гонок. Надо заканчивать с этим авторитарным режимом, который царит у нас в сборной. Нам ведь по силам выступать на уровне норвежцев. Если в лыжах поменяется руководство и в команде будет нормальный климат, то наши спортсмены будут бегать, как Нортуг.

- Даже без лекарств от астмы?

– Даже без лекарств от астмы. По поводу норвежских астматиков Юстина Ковальчик все очень красиво сказала. Она вообще такая смелая, открытая девчонка. Хотя, конечно, не пойман – не вор. Откуда нам знать, стопроцентные астматики эти норвежские лыжники или нет?

- Мне не хотелось бы заканчивать наше интервью разговорами о норвежских астматиках. Давай вернемся к проблемам федерации.

– Понимаешь, мы в лыжах стараемся выживать. Надоело уже. Взгляни на нашу федерацию биатлона. Пришел серьезный руководитель, который не просто знает, как выживать, а знает, как быть лучшими. Они там у себя составляют какие-то проекты, пишут программы — это просто другой уровень. У каждого есть своя зона ответственности. У нас же на соревнованиях тренеры обычно бегают туда-сюда и больше ничего. От ответственности все время откреещиваются. Если один человек будет отвечать за доставку и проживание спортсменов, другой за питание, третий за что-то другое, то тогда, скорее всего, все потихоньку наладится. А так ищут виноватых, ими оказываются спортсмены, и так по кругу. Я тебе сейчас это все рассказываю не в

корыстных целях. Я просто хочу, чтобы ситуация с лыжами у нас в стране поменялась. У меня сердце болит за лыжи, понимаешь?

- Значит, ты вернешься?

– Я не хочу опережать события. Да, я тренируюсь. Шесть раз в неделю. Но сейчас я могу сказать тебе одно.

- Давай.

– Все будет хорошо.

- В Сочи?

– Вообще. И в Сочи тоже.

Мария Командная, sports.ru